

Н. В. Малышева, М. А. Осорова

**ФОНОСТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯКУТСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ И ПИЩЕВЫХ РАСТЕНИЙ
В СРАВНЕНИИ С ЭВЕНКИЙСКИМИ ЛЕКСЕМАМИ**

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Благодарность

Статья выполнена за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-09-00361 «Растения в традиционной медицине и системе питания коренных народов Якутии, перспективы их использования в настоящее время: этнография, этнолингвистика и этнофармакология».

Аннотация. В статье рассматриваются фоноструктурные особенности якутских наименований лекарственных и пищевых растений в сравнении с эвенкийскими лексемами. С глубокой древности растительный мир играет важную роль в деятельности коренных народов Севера. Лексика растительного мира якутского языка, в частности лекарственные и пищевые фитонимы, как отдельная лексико-семантическая группа вызывает огромный интерес в связи со своей малоизученностью. До настоящего времени якутская лексика растительного мира не являлась объектом специального научного исследования в сопоставлении с языком эвенков, проживающих по соседству на территории Якутии. Цель данного исследования – выявление фоноструктурных особенностей якутских наименований лекарственных и пищевых растений в сравнении с эвенкийскими лексемами. Материалом исследования послужили лексикографические источники по якутскому и эвенкийскому языкам, а также языковой материал, собранный нами в ходе полевых работ и экспедиционных исследований в районах Республики Саха (Якутия). В статье использованы сравнительно-сопоставительный, типологический, структурный, описательный и количественно-статистический методы. В ходе анализа было выявлено 25 основ, относящихся к якутско-эвенкийским лексическим параллелям, обозначающих наименования лекарственных и пищевых растений в рамках следующих тематических групп: «хвощ» (2), «боярышник» (4), «кедровый стланик» (2), «ягель / мох» (4), «красная смородина» (2), «осока» (2), «черная смородина» (2), «лиственник» (3), «осина» (2), «ревень» (2). Фоноструктурный анализ лексических параллелей якутского языка в сравнительном плане с эвенкийским также позволил выявить устойчивость фоноструктурных оформлений основ; особенности изменений фоноструктурных типов якутских форм в сравнении с эвенкийскими основами; основные причины неустойчивости фоноструктур именных основ эвенкийского языка в якутском языке; соответствия согласных / гласных.

Ключевые слова: якутский язык, эвенкийский язык, фоноструктурные особенности, фонема, фитонимы, лекарственные растения, пищевые растения, лексические параллели.

N. V. Malysheva, M. A. Osorova

**PHONOSTRUCTURAL FEATURES
OF THE MEDICINAL AND EDIBLE PLANTS' NAMES
IN THE YAKUT LANGUAGE IN COMPARISON WITH THE EVENK LEXEMES**

North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk, Russia

Acknowledgments

The article was supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-09-00361 "Plants in traditional medicine and the nutritional system of the indigenous

peoples of Yakutia, prospects for their use at present: ethnography, ethnolinguistics and ethnopharmacology”.

Abstract. The article considers the phonostructural features of the medicinal and edible plants' names in the Yakut language in comparison with the Evenk lexemes. Since ancient times, plants have been playing an important role in the activities of the indigenous peoples of the north. The lexis of the Yakut plants (medicinal and edible phytonyms), being a separate lexical-semantic group, is of great interest due to its being studied rather poorly. The vocabulary of plants' names in the Yakut language has not been the object of specific scientific research in a comparative aspect with the Evenk language until now. The purpose of this study is to identify the phonostructural features of the Yakut medicinal and edible plants' names in comparison with the Evenk lexemes. Lexicographic sources on the Yakut and Even languages, as well as the linguistic material collected in the course of the field work and expeditionary research in the regions of the Republic of Sakha (Yakutia) served as the material for the research. The article employs comparative, typological, structural, descriptive and quantitative-statistical methods. The analysis revealed 25 main lexical stems related to the Yakut-Even lexical parallels, denoting the names of medicinal and edible plants within the following thematic groups: “horsetail” (2), “hawthorn” (4), “dwarf cedar” (2), “reindeer moss/moss” (4), “red currant” (2), “sedge” (2), “black currant” (2), “larch” (3), “aspen” (2), “rhubarb” (2). The phonostructural analysis of the lexical parallels of the Yakut language in comparison with the Evenk language also revealed the stability of the phonostructural designs; peculiarities of the changes in the phonostructural types of the Yakut forms in comparison with the Evenk stems; the main reasons for the stability of the phonostructures of the nominal foundations of the Evenk language in the Yakut language; consonant/vowel correspondence.

Keywords: *Yakut language, Evenk language, phonostructural features, phoneme, phytonyms, medicinal plants, edible plants, lexical parallels.*

Введение. С древнейших времен растительный мир играет важную роль в жизнедеятельности коренных народов Севера. Лексика растительного мира якутского языка как отдельная лексико-семантическая группа представляет собой большой интерес в связи с ее малоизученностью. Проблема комплексного исследования якутской лексики живой природы в современном языкознании является одной из наименее разработанных и требующих специального лингвистического изучения. Важно отметить, что в результате языковых контактов между якутами и эвенками сложился уникальный пласт якутского языка. Г. В. Попов рассмотрел лексику якутского языка неизвестного происхождения, проанализировав более 6200 корневых и неразложимых основ, и определил, что 9 % из этих основ лексики якутского языка составляют тунгусо-маньчжурские заимствования [9, с. 38]. И. Н. Новгородов в своей работе «Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи» выявил около 600 эвенкизмов в якутском языке и его говорах [4, с. 38]. В результате проведенного исследования ученый определил периоды заимствования эвенкизмов в якутский язык: 1) «когда якуты жили довольно компактной массой в Центральной Якутии после их переселения с юга в 14 веке», 2) «когда эвенкизмы проникли в отдельные говоры якутского языка в ходе расселения якутов в период после 17 века, после вхождения Якутии в состав России» [5, с. 38], [6]. Согласно теории А. М. Щербака, языковые контакты между якутами и эвенками берут свое начало с XIV–XV вв., о чем свидетельствуют тунгусо-маньчжуризмы, выявленные исключительно в якутском и долганском языках, и отсутствие лексических параллелей у других языков тюркской языковой семьи [15, с.124]. Тем не менее существуют другие предположения, например, Е. И. Убрятова [11, с. 9], В. И. Рассадин [10, с. 82] и Н. Н. Широбокова [14, с. 44] считали, что еще в XIII в. якуты и эвенки заложили начало своих языковых контактов. В лексике эвенкийского языка отслеживаются архаизмы якутского, вошедшие в ее строй на самых ранних этапах становления якутской народности [12].

Различные языковые контакты между якутами и эвенками как на бытовом, так и на культурном уровнях оставили неизгладимый след в языках двух народностей. Так, названия растений в якутском и эвенкийском языках представляют собой особый пласт лексики. Роль растений в жизни данных этносов всегда была исключительно велика, так как растения служили для них лекарственными средствами, а также использовались в качестве пищи. Названия лекарственных растений олицетворяют собой определенные характеристики народа, отражают их духовную и материальную культуры.

Актуальность исследуемой проблемы. Несмотря на то что якутская лексика растительного мира представляет собой интереснейший пласт, раскрывающий отношение носителя языка к живой природе через призму народных номинаций растений, до настоящего времени якутская лексика растительного мира не была объектом специального научного исследования в сопоставлении с языком эвенков, проживающих на территории Якутии. Издревле оба народа живут и развиваются в гармонии с природой, активно используя ее биологические ресурсы в хозяйственной деятельности. Так, важное место в жизнедеятельности якутов и эвенков занимают лекарственные и пищевые растения, которые используются северными народами в традиционной медицине, ритуально-религиозных мероприятиях и значимы в пищевой культуре двух народов. В соответствии со стратегией развития арктических территорий Российской Федерации в данное время идет активная работа по освоению северных территорий, на которых проживают различные народы, в том числе якуты и эвенки. В условиях интенсивного развития северных территорий, стремительной глобализации и урбанизации наблюдается разрушение языковой среды, последствием которого является выход из обихода слов, заимствованных из тунгусо-маньчжурских языков, обогащающих лексическое разнообразие языка народа саха. В связи с этим остро стоит вопрос сохранения и развития языкового и культурного многообразия коренных народов Севера, проживающих на территориях промышленного освоения, что соответствует направлению Стратегии НТР РФ: «возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе с применением методов гуманитарных и социальных наук». Так, цель исследования заключается в выявлении фоноструктурных особенностей якутских наименований лекарственных и пищевых растений в сравнении с эвенкийскими лексемами.

Материал и методы исследования. В качестве материала исследования были привлечены лексикографические источники по якутскому и эвенкийскому языкам, а также языковой материал, собранный авторами в ходе полевых и экспедиционных исследований по районам Республики Саха (Якутия). В соответствии с рассматриваемыми аспектами и поставленными задачами в статье использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, типологический, структурный, описательный и количественно-статистический.

Результаты исследования и их обсуждения. В ходе исследования нами было выявлено 25 основ, относящихся к якутско-эвенкийским лексическим параллелям, обозначающих наименования лекарственных и пищевых растений в рамках следующих тематических групп, согласно биологическим названиям растений: «хвош» (2), «боярышник» (4), «кедровый стланик» (2), «ягель/мох» (4), «красная смородина» (2), «осока» (2), «черная смородина» (2), «листвен» (3), «осина» (2), «рвень» (2).

При проведении фоноструктурного анализа якутско-эвенкийских лексических параллелей структурные типы рассмотрены в следующем порядке: 1) с абсолютным совпадением (например, [CVC]→[CVC]); 2) с частичным совпадением (например, [CVC]→[CV:C], [CVC]→[CV,C]; 3) подвергшиеся структурным изменениям (например, [CVC]→[VCC]). При помощи данного вида анализа выявляется устойчивость и изменчивость структурных типов рассматриваемых репрезентаций.

Якутские основы, обозначающие наименования пищевых и лекарственных растений, представлены следующими структурными типами: CVCV (1): як. *боруу* «хвощ полевой» [1, Т. 2, с. 410], CVCVCCV (1): як. *ньалыкта* «боярышник» [7, Т. 2, с. 1709], CVCCVCCV (1): як. *болбукта* «кедровый стланик», «ягода морошки» [1, Т. 2, с. 410], CVCVCCV (3): як. *лабыкта* «лишайник», «олений мох», «ягель», «белый мох», «кладина оленья» [1, Т. 5, с. 70; 2, Т. 2, с. 66; 7, Т. 2, с. 1459], як. *мучукта*, *мутукча* «листвень молодая» [7, Т. 2, с. 1644], CVCCVCVC (1): як. *хаптаҕас* «красная смородина» [7, Т. 3, с. 3324], CVCCV:CV (1): як. *манчаары* «осока», «водяная осока», «зубровник», «водяной пырей», «аир болотный», «ирный корень», «татарское зелье», «лепеха» [1, Т. 5, с. 221; 7, Т. 2, с. 1519], CV:CCVCVC (1): як. *моонньоҕон* «кустарник черной смородины; черная смородина» [1, Т. 5, с. 290], CVCVC (1): як. *тэтин* «осина» [1, Т. 11, с. 523], V:CCV(1): як. *аахта* «речень», «название растения (вид щавеля, употребляется в пищу якутами и тунгусами)» [1, Т. 1, с. 220].

Распределение эвенкийских репрезентаций по структурным типам выглядит следующим образом: CVCV (1): эвенк. *бору* «хвощ полевой» [13, Т. 1, с. 97], CVCVCCV (5): эвенк. *лабыкта* «ягель, олений мох», эвенк. *лавикта*, *лавукта* «ягель (олений корм)» [13, Т. 1, с. 485], эвенк. *ньаликта* «багульник», «азалия», эвенк. *дяликта* «боярышник» [13, Т. 1, с. 656], CVCCVCCV (1): эвенк. *нямникта* «гибкий, тонкий тальник, растущий на горах» (информант – МАН), эвенк. *болгикта* «кедровый стланик», «кедровый орех», «тальник» [8, с. 144], CVCCVCVC (1): эвенк. *каптаҕас* «красная смородина» [3, с. 16], CVCCVCCV (1): эвенк. *манчарэ* «ситник (травя)» [7, Т. 2, с. 1519], CVCCVCVC (1): эвенк. *моннёгон* «черная смородина (ягода)», «крыжовник (ягода)» (информант – ВПА), CVCV:CCV (1): эвенк. *Мучууктэ* «хвоя лиственницы», «почки (на дереве)», «шишка (еловая, кедровая)» [13, Т. 1, с. 562], CVCVC (1): эвенк. *тэтың* «алданский тополь» [13, Т. 2, с. 241], VCCV (1): эвенк. *акта* «алданское название растения; лопух» [13, Т. 1, с. 26].

Из зафиксированных 25 лексических единиц, обозначающих лекарственные и пищевые фитонимы, двусложными являются 6 основ (24 %), трехсложными – 19 (76 %). Наибольшее количество лексических параллелей обнаруживается в структурном типе CVCVCCV, в котором зафиксировано всего 8 фитонимов: як. *лабыкта* «лишайник», «олений мох», «ягель», «белый мох», «кладина оленья», як. *мучукта*, *мутукча* «листвень молодая», эвенк. *лабыкта* «ягель, олений мох», эвенк. *лавикта*, *лавукта* «ягель (олений корм)», эвенк. *ньаликта* «багульник», «азалия», эвенк. *дяликта* «боярышник». Из анализируемых фитонимов абсолютное совпадение структурных типов лексем отмечается в 5 рефлексах: як. 1) *ньалыкта* // эвенк. *ньаликта*, *дяликта*, 2) як. *болбукта* // эвенк. *болгикта*, 3) як. *лабыкта* // эвенк. *лабыкта*, *лавикта*, *лавукта*, 4) як. *хаптаҕас* // эвенк. *каптаҕас*, 5) як. *тэтин* // эвенк. *тэтың* «алданский тополь». С абсолютными сопадающими по структуре эвенкийско-якутскими основами наблюдаются следующие фонетические процессы: а) соответствие эвенкийской согласной [д] и якутской согласной [нь] в анлаутной позиции и вокального эвенкийского элемента [я] и якутского гласного [а] в инлаутной позиции, при этом наблюдается устойчивое сохранение лексического значения фитонима: эвенк. *дяликта* «боярышник» // як. *ньалыкта* «боярышник»; б) наблюдается соответствие гласного [и] в эвенкийской основе и гласного [ы] в якутской основе в инлаутной позиции, при этом происходит изменение семантического значения основ: эвенк. *ньаликта* «багульник», «азалия» // як. *ньалыкта* «боярышник»; в) соответствия эвенкийского согласного [г] с якутским согласным [б] и эвенкийского гласного [и] с якутским гласным [у] в инлаутной позиции с сохранением семантического значения основ: эвенк. *болгикта* «кедровый стланик», «кедровый орех», «тальник» // як. *болбукта* «кедровый стланик», «ягода морошки»; г) соответствия инлаутных согласных элементов – [в] в эвенкийских диалектных основах и [б] в якутской основе, а также соответствие

в инлаутных позициях вокальных элементов [у], [и] в эвенкийском с [ы] в якутском, при этом наблюдается также расширение значения основы в якутском по сравнению с эвенкийским вариантом: эвенк. *лабикта* «ягель, олений мох», эвенк. *лавикта*, *лавукта* «ягель (олений корм)» // як. *лабыкта* «лишайник», «олений мох», «ягель», «белый мох», «кладина оленья»); д) сохранение семантического значения основ, но при этом наблюдается соответствие ауслатных согласных элементов [к] в эвенкийском с [х] в якутском языке и согласного [г] в эвенкийском с [ҕ] в якутском языке в инлаутной позиции: эвенк. *каптагас* «красная смородина» // як. *хаптаҕас* «красная смородина»; ж) соответствие гласного элемента [ы] в эвенкийском с гласным [и] в якутском в инлаутной позиции, при этом наблюдается изменение семантического значения фитонимов: эвенк. *тэтың* «алданский тополь» // як. *тэтинг* «осина *populus tremula* L.».

Частичные изменения структурных типов якутских форм в сравнении с эвенкийскими основами произошли в следующих лексических параллелях: а) в двусложных основах с ауслатным вокальным элементом происходит изменение эвенкийского вокализма в долгий гласный в якутском языке без изменения семантического значения слова: [CVCV→CVCV:] эвенк. *бору* «хвошь полевой» // як. *боруу* «хвошь полевой»; б) наблюдается образование в якутской основе долгого вокального элемента [aa] в инлаутной позиции и соответствие эвенкийского ауслатного вокального элемента [э] и якутского конечного гласного [э], при этом наблюдается изменение семантического значения основ – [CVCCVCV→CVCCV:CV] эвенк. *манчарэ* «ситник (трава)» // як. *манчаары* «осока», «водяная осока», «зубровник», «водяной пырей», «аир болотный», «ирный корень», «татарское зелье», «лепеха»; в) в якутском варианте фитонима образован долгий вокальный элемент [oo], а также наблюдается соответствие эвенкийского гласного [ё] с якутским [o] и эвенкийского согласного [г] с якутским [ҕ], при этом необходимо отметить, что по семантическому значению якутская вариация имеет узкое значение, чем эвенкийская вариация, т. е. в эвенкийском языке фитоним обозначает наименования двух разных ягод, а в якутском варианте фитоним «*моонньоҕон*» обозначает наименование только черной смородины – [CVCCVCVC→CV:CCVCVC] эвенк. *моннёгон* «черная смородина (ягода)», «крыжовник (ягода)» // як. *моонньоҕон* «кустарник черной смородины; черная смородина»); г) наблюдается переход ауслатного краткого гласного в долгий вокальный элемент в якутском языке, а также сужение лексических значений якутских основ по сравнению с эвенкийскими основами: [CVCV:CCV→CVCVCCV] эвенк. *мучуктэ* «хвоя лиственницы», «почки (на дереве)», «шишка (еловая, кедровая)» // як. *мучукта*, *мутукча* «лиственница молодая»); д) в двусложных основах с ауслатным вокальным элементом происходит переход эвенкийского [а] в долгий гласный [aa] в якутском языке без больших изменений семантического значения слова, при этом наблюдается соответствие инлаутных согласных элементов – эвенкийского [к] с якутским [х]: [VCCV→V:CCV] эвенк. *акта* «алданское название растения; лопух, ревень» // як. *аахта* «ревень», «название растения (вид щавеля), употребляется в пищу якутами и тунгусами».

Изменение структурных типов якутских форм в сравнении с эвенкийскими основами произошло в рефлексе эвенк. *нямникта* «гибкий, тонкий тальник, растущий на горах» // як. *ньалыкта* «боярышник» – [CVCCVCCV→CVCVCCV].

Выводы. Фоноструктурный анализ лексических параллелей якутского языка в сравнительном плане с эвенкийским языком позволяет сделать следующие выводы:

а) на основе лексикографических источников в ходе исследования было выявлено 25 основ, относящихся к якутско-эвенкийским лексическим параллелям, обозначающих наименования лекарственных и пищевых растений;

б) устойчивость фоноструктурных оформлений основ наблюдается в структурном типе CVCVVC (8): як. *лабыкта* «лишайник», «олений мох», «ягель», «белый мох»,

«кладина оленья», як. *мучукта, мутукча* «лиственъ молодая», эвенк. *лабикта* «ягель, олений мох», эвенк. *лавикта, лавукта* «ягель (олений корм)», эвенк. *нваликта* «багуль-ник», «азалия», эвенк. *дяликта* «боярышник»;

в) частичные изменения фоноструктурных типов якутских форм в сравнении с эвенкийскими основами произошли в структурных основах [CVCV→CVCV:], [CVCCVCV→CVCCV:CV], [CVCCVCVC→CV:CCVCVC], [CVCV:CCV→CVCVCCV], [VCCV→V:CCV];

г) основными причинами неустойчивости фоноструктур именных основ эвенкийского языка в якутском языке являются образование вторичных монофтонгов (долгие гласные): эвенк. *бору* // як. *боруу*, эвенк. *манчарэ* // як. *манчаары*, эвенк. *моннэгон* // як. *моонньогон*, эвенк. *акта* // як. *аахта*; опущение консонантного элемента в инлаутной позиции;

д) наблюдаются частые соответствия согласных элементов в инлаутной позиции – эвенкийский [н] и якутский [нь], эвенкийский [г] и якутский [ҕ], эвенкийский [т] и якутский [ч], эвенкийский [к] и якутский [х];

ж) наблюдаются частые соответствия гласных элементов в инлаутной позиции – эвенкийский [ё] и якутский [о], а также в ауслатной позиции – эвенкийский [э] и якутский [ы], эвенкийский [э] и якутский [а].

Таким образом, анализ 25 якутских и эвенкийских лексем определил тесные языковые контакты между двумя народами, проживающими на одной территориальной зоне. Выявленное количество лексических единиц, обозначающих различные наименования пищевых и лекарственных растений, свидетельствуют о тесной связи якутов и эвенков с природой, для которых она является главным источником существования. Вследствие языкового взаимодействия якутов с эвенками лексический пласт якутского языка обогатился за счет эвенкизмов, которые устойчиво вошли в ее состав и употребляются по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь якутского языка в XV томах / под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2006–2017.
2. Кузнеця Л. В., Исаев А. П., Тимофеев П. А. и др. Лекарственные растения Якутии : атлас. – Якутск : Бичик, 2016. – 96 с.
3. Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь для начинающих. – Якутск : Северовед, 2000. – 43 с.
4. Новгородов И. Н. Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2009. – 43 с.
5. Новгородов И. Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. – Якутск : SMYK-Master, 2009. – 248 с.
6. Новгородов И. Н. Якутизмы эвенкийского языка. – Якутск : SMYK-Master, 2008. – 104 с.
7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка в III томах. – Л. : Изд-во АН СССР, 1959.
8. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта. Ч. 1. – Новосибирск : Наука, 2003. – 179 с.
9. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1986. – 148 с.
10. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М. : Наука, 1980. – 113 с.
11. Убрятова Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М. : Наука, 1960. – 147 с.
12. Ушницкий В. В., Алексеева С. А. Эвенки и саха: общие моменты в этногенезе сибирских народов // Общество : философия, история, культура. – 2016. – № 2. – С. 74–76.
13. Цинциус В. И. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю в III томах. – Л. : Наука, 1975.
14. Широбокова Н. Н. Историческое развитие якутского консонантизма. – Новосибирск : Наука, 2001. – 149 с.
15. Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков : учебное пособие. – СПб. : Наука, 1994. – 192 с.

СОКРАЩЕНИЯ

Информант МАН: Михайлова Анна Николаевна, 19.05.1953 г.р., Верхоянский район Республики Саха (Якутия).

Информант ВПА: Винокурова Прасковья Алексеевна, 10.01.1949 г.р., Верхоянский район Республики Саха (Якутия).

Статья поступила в редакцию 19.11.2020

REFERENCES

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka v XV tomah / pod red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk : Nauka, 2006–2017.
2. Kuzneca L. V., Isaev A. P., Timofeev P. A. i dr. Lekarstvennyye rasteniya Yakutii : atlas. – Yakutsk : Bichik, 2016. – 96 s.
3. Myreeva A. N. Evenkijsko-russkij slovar' dlya nachinayushchih. – Yakutsk : Severoved, 2000. – 43 s.
4. Novgorodov I. N. Yakutsko-evenkijskie yazykovye vzaimosvyazi : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk : 10.02.02. – Kazan', 2009. – 43 s.
5. Novgorodov I. N. Yakutsko-evenkijskie yazykovye kontakty. – Yakutsk : SMYK-Master, 2009. – 248 s.
6. Novgorodov I. N. Yakutizmy evenkijskogo yazyka. – Yakutsk : SMYK-Master, 2008. – 104 s.
7. Pekarskij E. K. Slovar' yakutskogo yazyka v III tomah. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1959.
8. Popov G. V. Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka = Saha tylyn etimologicheskaj tyld'yt'a. Ch. 1. – Novosibirsk : Nauka, 2003. – 179 s.
9. Popov G. V. Slova «neizvestnogo proiskhozhdeniya» yakutskogo yazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie). – Yakutsk : Yakut. kn. izd-vo, 1986. – 148 s.
10. Rassadin V. I. Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah. – M. : Nauka, 1980. – 113 s.
11. Ubryatova E. I. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostej yazyka naseleniya nekotoryh rajonov Yakutskoj ASSR. – M. : Nauka, 1960. – 147 s.
12. Ushnickij V. V., Alekseeva S. A. Evenki i saha: obshchie momenty v etnogeneze sibirskih narodov // Obshchestvo : filosofiya, istoriya, kul'tura. – 2016. – № 2. – S. 74–76.
13. Cincius V. I. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih yazykov: materialy k etimologicheskomu slovarju v III tomah. – L. : Nauka, 1975.
14. Shirobokova H. H. Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma. – Novosibirsk : Nauka, 2001. – 149 s.
15. Shcherbak A. M. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskih yazykov : uchebnoe posobie. – SPb. : Nauka, 1994. – 192 s.

The article was contributed on November 19, 2020

Сведения об авторах

Мальшева Нинель Васильевна – кандидат филологических наук, доцент Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова г. Якутск; докторант Института языкознания РАН, г. Москва, Россия; e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Осорова Марина Анатольевна – аспирант Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия; e-mail: me.marine@mail.ru

Author information

Malysheva, Ninel Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk; Doctoral Candidate, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: ninel_malysheva@mail.ru

Osorova, Marina Anatolyevna – Post-graduate Student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, North-Eastern Federal University in Yakutsk, Yakutsk, Russia; e-mail: me.marine@mail.ru